

Александр Бирштейн

Сказки

Зонтик

Сегодня я забыл зонтик. Я вечно что-то забываю.

– Голову не забыл? – спрашивали в детстве.

– Забыл! – отвечал я, подумав. – Разве не видно?

Тогда приходилось задумываться тому, кто задал вопрос. Это помогало. Впрочем, не всегда.

Но я не об этом. А о том, что забыл зонтик. А если забываешь зонтик, что происходит?

Правильно! Идет дождь.

У меня был сослуживец, так вот он говорил, если хотел показать огромность чего бы то ни было:

– Сядой! Или сядая!

Так вот, этот дождь был сядая всех сядых!

А что я? Стоял под каким-то деревом и вспоминал все, что знаю о Ное и его компании. Небось сидят в каюте, пьют водку под названием «Заветная». А корабль, то есть ковчег, плывет. До самого Арарата.

И так мне захотелось поковчегиться! Попасть на борт и плыть под аккомпанемент урчания-рычания тех, кто каждой твари по паре. А также звона стаканов и тоста «За тех, кто в море!».

Хотя... С другой стороны, замечательный человек космонавт Георгий Гречко как-то рассказывал, что кто-то настучал им в общество уфологов, что на горе Арарат с турецкой стороны ясно виден с воздуха этот самый ковчег, прекрасно сохранившийся. И пустился Георгий Михайлович со товарищи в поход за ковчегом. В Турцию приехали, затуркали тех турок, получили разрешение, саперов с собой взяли, ибо окружают горку там сплошные

минные поля. Пробрались как-то. Обшарили всю гору. Нет ковчега. Надпись «Тут был Петя» есть, а ковчега не имеется. То ли обманули, то ли сплыл. Так что незачем мне на ковчег ладиться.

Думаете, что пока я так вот стоял, дождь кончился? Тот случай! Он еще пуще припустил.

Поэтому пришлось мне вспоминать, как в Булонском парке детишки купались под фонтанами. Штук тридцать фонтанных струй било из земли, а под ними оралы, прыгали, радовались с полсотни детишек пяти-десяти лет. Жара же была. Им хорошо, а нам, взрослым, тоскующим в сторонке, завидно.

А еще какая-то идиотка мамаша кричала сыну:

– Не пойдешь! Мы полотенце дома забыли!

Они полотенце...

А я зонтик! Но тоже дома. Сколько раз за жизнь мы что-то именно дома забываем. И ведь не верят. «Дома забыл...» – дешевле отмазки и не найдешь. А ведь не вру. Иду себе под дождем и об этом самом доме думаю. Тепло там, сухо... Что-то вкусное на плите закипает. Собака у двери ждет...

Э, стоп! Так я думаю или придумываю? А не вру только в том смысле, что зонтик забыл. Зонтик у меня точно есть. Почти новый. А собаки нет. И в доме холодно. Но это не страшно. Приду домой, включу электричество, и за какой-то час...

Но я же не домой иду. А наоборот, из дома. Куда? Есть замечательное слово – просто. Просто захотел. Просто вышел. Просто иду...

Просто зонтик забыл.

В будке

Сержант Еременко называет себя ровесником октября. И все потому, что сам он родился в октябре. Что такое ровесник, сержант не знает. На самом деле он ровесник своей сестры Екатерины, потому что они близнецы.

Каждый Божий день Еременко сидит в своей будке и свято блюдет свои обязанности. Собственно, никаких обязанностей у Еременко нет. Едет машина – поднял шлагбаум, проехала – опустил. И все дела с девяти до шести. Обед с часа до двух. А еще

велели сидеть и наблюдать. А за кем и за чем, не сказали. Забыли, наверное. Или сержант забыл. Давно ведь дело было.

Просто так сидеть скучно. Вот и не поднимает шлагбаум сержант, когда машина чем-то груженная. А если порожняк, то шлагбаум поднимает, езжайте, мол, больно вы надобны. Груженные – другой дело. Подойти можно, спросить: «Что везем?».

Хороший, кстати, вопрос. За него обязательно что-то дают. Кто банку консервов, кто пачку, а то и блок сигарет, кто бутылку водки. Разные, ох разные водители попадают.

День на день, вообще-то, не приходится. Иной раз машин много, беспокойства тоже, зато и подарков много. Унести, конечно, можно, но с трудом. Но надо. У бомжей нюх необыкновенный. Как пустая будка, даже не подходят. А как что-то оставил, то замок непременно свернут, будку откроют и украдут оставленное. Было уже, раза три, наверное, а может, и больше.

А бывают дни совсем почти пустые. Можно сидеть, бутерброд, что сестра Катерина на обед выделила, жевать потихоньку и мечтать. Да-да, мечтать! Что он, рыжий, что ли? Хотя немного есть. Рыжинки, в смысле. Раньше больше было. А сейчас седины, конечно, больше. За шестьдесят уже! И что хорошо, никто на пенсию не гонит. Хорошее у него начальство. Справедливое. Начальство, впрочем-то, он лет двадцать или поболее не видел. Зарплату тоже. И не надо! За такую службу-работу и сам бы приплачивал. А что? Сидишь на воздухе, подарки дают. Что еще надо? Подарки те сестра Катерина знакомым раздает. За деньги, конечно. Какие? А сержанту без разницы. Сыт, присмотрен, галифе постирано и поглажено, сапоги начищены, сигареты – фу, гадость с фильтром, но других нет – закуплены. Живи и радуйся. Он и радуется.

И мечтает. Я говорил уже. О чем? О разном. Например о том, что зарплату за двадцать или даже больше лет отдадут. Принесут... большой-большой чемодан, ну, как бензобак у ЗИЛа, с деньгами. Скажут: «На, сержант, владей!» – и еще за службу поблагодарят. Тогда он женится. На ком? Еще не знает. Сестра Катерина решит. Она все за него решает. И правильно. У него больше времени остается еще о чем-то помечтать. Хотя... При такой жизни и мечтать не надо. Все есть. Но мечтается... От мыслей не убежишь, не спрячешься в будку. И от вопросов.

Почему, например, ему подарки дают? Он же не просит. Они сами. А раньше не давали. Раньше вроде зарплата была. Денежное содержание называлось. Может, подарки положено вместо этого самого содержания давать? Но водителей много. Всех не предупредишь. А дарят...

Или... Почему новую форму не дают? Положено же: раз в... В три года или пять? Он уже не помнит. Когда-то давали... Форму, сапоги, даже портянки. А теперь? Он же видел, в чем нынче ходят эти, как их, полицаи? Полицейские? Куртки, штаны, ботинки исправные. А ему? Однажды он было собрался пойти к начальству и спросить. Но участка родного не нашел. Улица та же, номер дома соответствует, а участка нет. А вместо него ресторан. Как это может быть?

Но вопросы мелькают редко. А дни чаще. Ему все равно, как день называется. Главное – с девяти до шести, обед с часу до двух.

Дружище Вернер

На реке в полдень зноя нет. Тишина, покой, ветерок легкий, шепчущий. В одну сторону подует: – киссык, – потом в другую: – камысс...

Народу на реке не предвидится. Местным тут делать нечего. Не рыбалкой же заниматься, в самом деле. Там выше река Урал перегорожена сотни раз леской с петлями. Промысел... Впрочем, кому он нужен? Скорей привычка. Икра, осетрина-севрюга есть у всех, но уже под горло встали. А в столовке на компрессорной верблюжатиной и каша-шрапнель. Впрочем, наше с Вернером меню с карасями и сазанами хоть и разнообразит стол, но не слишком.

– Эх, шашлычок бы! – мечтает дружище Вернер, развалясь на надувном матрасе. Из-за жары он все-таки снял пиджак, но с жилеткой и галстуком расстаться не пожелал. Галстук, правда, чуть приспущен. Ноги Вернера на матрасе, рассчитанном на человека среднего роста, не помещаются. Это Вернера не заботит, он вспоминает: – Я когда-то шашлык пробовал. Ну, еще в доисторическое время, когда мясо существовало. И картошка... Вы, наверное, тоже ели!

Вернер не кокетничает. Просто рацион его за прошедшие лет шестьдесят менялся редко и незначительно.

При слове «картошка» я вздрагиваю и обижаюсь.

– Дорогой дружище Вернер! – рассказываю ему. – Не позволите ли послать вас – чисто в познавательных целях, разумеется! – на три буквы, прекрасно известные вам, мне и всем местным! – тут, в глухих краях Западного Казахстана, три буквы эти – в сборе, разумеется! – были крайне популярны среди населения, говорившего, думавшего, главное – жившего по-казахски. Но бранились местные люди исключительно по-русски, причем делали это виртуозно и без акцента.

А у Вернера имелся акцент. Вернее, выговор. Безупречный питерский выговор, невесь как сохранившийся. Ха, сохранившийся! Откуда? Вернер никогда в Питере не был. Из Питера были его родители, попавшие сюда незадолго до войны. Сами знаете, как это происходило. А Вернер родился и вырос поблизости, на Мангышлаке, в лагерях далеко не пионерских. Их там сотни.

– Не убили же! – все же одобряет тогдашние власти Вернер. Он огромен, голубоглаз, гладко выбрит, а рубашка его всегда застегнута на верхнюю пуговицу.

Многочисленные родственники Вернера давно отчалили из этих краев сперва в областные центры, а несколько лет назад и в Германию. Звали и Вернера. Но он почему-то остался.

– Уважаемый Александр! – отвечает он учтиво. – Не грубите плохими словами. Это неинтеллигентно.

Вернеру нравятся мои одессизмы.

Общаемся...

Мы на рыбалке. У меня есть машина – полевая лаборатория на базе УАЗ-452, у Вернера удочки и рачницы. Рыбалка тут специфическая. Непуганая рыба клюет бешено. И раки не отстают. Давно наловлено на завтрак, обед и ужин. Но уходить не хочется. Мы так отдыхаем.

Отдых же местного населения четко ассоциируется с «Самогонным карпатским», разлитым в литровые банки с неаккуратными этикетками. Продукт, частично попав в магазины, был раскуплен за считанные часы и не менее быстро выпит. Теперь хорошие люди требуют за самогон немислимую нынче вещь – деньги. Но деньги есть далеко не у всех. Зарплату не платят уже месяцев восемь. Наивные предлагают за самогон черную икру. Литровую банку икры за банку самогона. Но над ними смеются явно и издевательски. Икра есть в каждом доме, домике и, наверное, соба-

чьей будке. Да-да! Местные псы уже давно отворачивают морды от белужьих стейков и по ночам, взывая на луну, мечтают о косточке, скромной бараньей косточке с вот такусеньким шматиком мяса. Смешные. Об этом мечтают все.

Кроме Вернера, конечно. Чудак-человек. На вопрос, почему он не уехал со всеми прочими Вернерами, отвечает:

– Тут свобода!

Представляете?

На весь поселочек нас только двое не казахов. Вернер служит комендантом гостиницы и общаги. То есть свободен всегда. В эту глухомань командировочные не ездят. В свое время он долго и удивленно разглядывал меня со товарищи, пришедших поселаться. Думали, ненадолго, да вот застряли. Вернее, я застрял. Одна бригада отстрелялась и отбыла, жду другую. Встрою их в работу и тоже уеду. В Ургенч, например. Отсюда, из очень-очень далека, он кажется мне очагом мировой культуры. Об Одессе, где не был уже месяца два, стараюсь не вспоминать. Мне не идут «скупые мужские слезы».

Как вы уже заметили, мы с Вернером общаемся учтиво и уважительно. Никакого амикишонства и тем более тыканья. К «Самогону карпатскому» мы относимся одинаково брезгливо и под уху и раков употребляем водку, невесть каким чудом сохранившуюся в его закромах. Вот и сейчас сидим у него. Переместились отдыхать от рыбалки. Пьем из рюмок. Представляете? В мире граненых стаканов и пиалушек пить из рюмок! Да за такое и линчевать могут! Но мы рискуем.

Водку пьем без тостов, просто приподняв рюмку, уважительно киваем друг другу. С закуской пока туго: икра, осетрина, раки... Изредка, наскреба в столовой толику овощей, варим уху, на хлопковом – представляете! – масле жарим рыбу. Живы пока.

– А где-то, я точно знаю, – вспоминает Вернер, и его голос слегка дрожит, – на завтрак подают гречневую кашу! И сосиски! Представляете?

– Ошибаетесь, уважаемый, – оппонирую ему, – таких мест уже давно нет. Максимум, на что способна отечественная пищевая промышленность, – пельмени русские и макароны по-флотски!

– Бедные люди! – невнимательно жалеет человечество и себя заодно Вернер.

– Говорят, в Германии с питанием налажено! – заступаюсь за новую родину родственников Вернера.

– Там людей много! – роняет он. – С детства – люди, люди, люди... Скверные в основном.

– А тут?

– А тут река, еще квартира своя. Закрылся и... никого. А там... полная зависимость. Языка-то я не знаю...

– А выучить?

– В мои-то годы... Вряд ли... Да и не тянет меня туда.

– А в Питер? Родина все-таки.

– Чья? Родителей? Где-то здесь их могилы. Скорей всего, братские. А моя родина тут.

Я промолчал. Те несколько дней, что торчу в пустой гостинице, свели бы с ума, кабы не Вернер и надежда, что скоро-скоро... Как можно считать эту глушь родиной? Хотя...

Я вышел на улицу. Улицу... Смешно. Несколько двухэтажек, погрязших в желтой глине, несколько юрт вдалеке, компрессорная примерно в километре отсюда. И безжизненный, побеленный солью Устюрт сразу за жильем. Говорят, совсем недавно к поселку зимними вечерами сходились волки. Попеть, попугать. Но за убитых волков стали платить деньгами и водкой. Так что волков тут почти не стало. Ушли...

А люди живут. Вот Вернер... Я ехал в гостиницу и думал о том, что завтра-послезавтра вертолет отвезет меня на станцию, а дальше поезд – и люди, люди, люди, чей язык понятен.

И можно, можно радоваться жизни. Но Вернер, дружище Вернер...

Медработник

Тетя Блюма живет не в нашем дворе, а в соседнем. В каком? А не скажу. Кому положено – и так знают. А посторонним и незачем знать. Такой блат отдавать просто так – это же только мишигине на всю голову может. Кто такая тетя Блюма? О, она приемщица анализов в поликлинике. Сидит себе в окошке и баночки с коробочками принимает. Или не принимает.

– Не так оформлено! – говорит. И все. И несите свои анализы домой. Оформлять. А как? Об этом тетя Блюма не докладывает.

– Читайте инструкцию! – говорит. А где ту инструкцию взять? Но у наших анализы берет безоговорочно. Даже у Межбижера, хоть он почти каждый день носит.

– Бережет здоровье! – говорит тетя Блюма. Одобряет, наверное.

А еще тетя Блюма междворовой дегустатор. Если скажет на что-то – дрек! – то и спорить бесполезно. Уж в чем-чем, а в этом она понимает. Столько лет при должности.

О, забыл. Еще тетя Блюма выдает бумажки с результатами. С двенадцати, когда прием анализов прекращает, и до трех. А потом идет домой. Рабочий день, начатый в семь утра, окончен. Что обидно некоторым, результаты анализов тетя Блюма никому не разглашает. Ссылается на врачебную тайну. Поэтому мадам Берсон и тетя Аня на нее в обиде, но тихонько. Мало ли...

Поликлиника, где служит тетя Блюма, на Приморском бульваре. Хорошее место. Удачное. И красиво вокруг, и домой недалеко. С работы она идет пешком. Не спеша и с толком. Осуждает Дюка, который, если правильно посмотреть, писает на прохожих.

– Вот возьму у тебя анализ, – угрожает, – покажу доктору Фрактман, и где ты такой пуриц будешь?

Дюк молчит, опасается, наверное. И правильно делает. С тетей Блюмой лучше не связываться. Это ему, наверное, Камасутренко подсказал. Погулял этот Камасутренко, как он говорит, по-человечески, а наутро понес анализы сдавать. Сдал на свою голову. За ним из вытрезвителя прямо домой приехали. И забрали. А куда он против тети Блюмы денется?

Дальше у нее в клиентах сам Пушкин Александр Сергеевич. Она регулярно пробует воду, текущую из пасти дельфина, и обычно одобряет ее.

– Не хватает, чтоб Пушкину плохую воду давали!

С пушкой у тети Блюмы отношения сложные.

– Ишь ты, попой повернулась! И кто тебя этому учил?

Пушка повернута спиной не только к тете Блюме, но и к горисполкому. И это неправильно.

– Пушку надо повернуть и стрельнуть по-человечески! – мечтает она. – Тогда они, может, подумают, как жить на эту зарплату!

Но пушка стоит себе и стоит. И пользы от нее, как и от материала для анализов. Где та война, на которой она стреляла?

И тетя Блюма идет дальше. По Пушкинской улице уже.

– Пушкин, пушка, Пушкинская... Ну прямо сбежались!

Тетя Блюма любит гулять. Ее мир, низведенный большую часть дня до маленького квадратного окошка, невиданно расширяется, становится огромным и обычно хорошо пахнет. Утром еще темно, ничего и никого не видно. Это не прогулка, а путь на работу.

Археологический музей тетя Блюма уважает. Поэтому ничего ему не говорит, а только здоровается.

Не доходя до прокуратуры, тетя Блюма переходит на другую сторону.

– Не хватало еще с этими погромщиками по одной стороне ходить!

Тетя Блюма злопамятная...

Но около бывшего дома Рафаловича – говорят, был приличный человек! – а ныне музея, она вновь переходит дорогу. На входе в музей две мраморные приступки удачного роста. Можно сесть и отдохнуть. Да и куда спешить?

Отдохнув, тетя Блюма продолжает путь. Она с удовольствием рассматривает прохожих.

– У людей есть, оказывается, не только руки и немного лица, а прическа, туловище, ноги...

У филармонии, на улице Розы Люксембург, короче, Полицейской, она сворачивает налево. С надеждой. С утра у гастронома стоят рыбаки и продают свой товар. Кто что словил. Поздно уже. Но вдруг повезет, и у гастронома хоть кто-то еще будет продавать тюльку. Тогда она возьмет целых полкило в газетном фунтике и сделает себе биточки. А кошке отдаст кишки и головы. Хотя вряд ли. Кошка с рассвета одна дома. Без жмени тюльки к ней не подходи. Отвернется, разговаривать не будет целый день.

А с кем еще поговорить? С кем?

Я до сих пор не летаю...

Интересно, как называется самый главный – ну просто главнее не бывает! – волшебник. Не Господь Бог, а именно волшебник. Ведь могут же они быть в этом мире, независимо друг от друга. Сосуществование, так сказать. Впрочем, я не об этом.

А о том, как называется самый главный – ну просто главнее не бывает! – волшебник? И это не зряшный интерес. Дело в том, что я его встретил. И мы даже разговорились. Не верите? Ваше дело. Хотя обидно. Я ведь не вру. Это все, кто меня знает, подтвердят.

А дело было так. Сидел я в кафешке на Дерибасовской и мечтал о чашке кофе по-восточному. В турке, в песочке приготовленном, густому-густому и с пенкой. Мечта, конечно, зряшная. Лучшее, что мне могли предложить, это чашечку эспрессо. Не то, конечно. Но что делать, что делать... Я ж не в Ереване, где кофе по-восточному делали всюду, а лучший – под аркой прямо напротив рынка.

Но...

– Хотите в Ереван? – спросил меня какой-то мужик, без спросу присаживаясь за мой столик.

Я хотел было нагрубить, но совсем неожиданно для себя ответил:

– Разве что на час, не больше.

– Что так? Вы ж давно не были. Город сильно изменился. Есть что посмотреть!

– У меня через час встреча.

– Причина уважительна. На час, так на час. На площади перед музеем устроит?

– Конечно!

Все это я отвечал вполне автоматически. Почему ж не пошутить на близкую мне сейчас тему? Но вот так шутя я оглянулся, и мне, говоря по-одесски, поплохело. Вот площадь, вот музей, а вот я. Ничего себе! Миллион вопросов в голове и все зряшные. Правда, и что-то умное в башку заскочило: «Ну, хоть нормальный кофе попью! – заскочило и тут же: – А на какие шиши? Деньги-то тут армянские! А у меня...»

Я пошарил по карманам. Сто гривен, двести гривен... Еще двадцать...

Может, у них обменник есть?

Обменника не было... Вернее, он был, но все надписи были по-армянски. Ну ничего не разобрать. Да я и не пытался. Обидно... Правда, я нашел подле обменника какую-то монетку, видимо, мелкую. На чашку кофе явно не хватит. Но сувенир. И я сунул монетку в карман. Столько возможностей дарил этот город: коньяк, кофе,

прогулку! Оставалась прогулка. И я пошел в сторону оперного театра. Мечеть... Да-да, в Ереване – мечеть! Церковь, оперный, церковь... И...

Нет, что это было? Я опять был за столом кафешки на Дерибасовской, а напротив сидел мой улыбающийся собеседник.

– Вы гипнотизер? – спросил я растерянно.

– Нет, я волшебник! – на полном серьезе ответил он. А потом добавил: – Главный!

– Что за дурацкие шуточки? – возбужден я. – Так я и поверю, что час я гулял по Еревану, а потом вернулся в то же кафе, за тот же столик...

– А вы гляньте на часы!

Я глянул. Да-да, прошел именно час!

– Гипноз! – уже уверенно возвестил я.

– А вы поройтесь-ка в кармане.

Я засунул руку в карман. Платок, деньги, два камешка – пирит и тигровый глаз – и... что-то плоское и круглое. Монетка! С одной стороны была десятка и надпись под ней незнакомыми буквами, с другой странный двуглавый орел и надпись вокруг него. Да. Это была та монетка, которую я нашел подле обменника. Значит...

И я с испугом посмотрел на собеседника.

– А ведь вы еще и газету взяли... – обронил он.

Точно, у театра меня остановил какой-то юноша с пачкой глянцевого рекламных газет. У нас такие в почтовые ящики загружают, если на воротах нет кодового замка. Одну из них он сунул мне в руку. Где она? В карманах не было.

– А вы в заднем кармане гляньте!

Точно. Газета была там. И дата была сегодняшняя!

Ну монету еще как-то можно было объяснить. А газету? Лично я не мог! Сидел, шевелил губами, пытался что-то сказать...

– У вас назначена встреча! – напомнил мой собеседник. – Но я перенес ее еще на час. Сможем поговорить.

И тотчас у меня зазвонил телефон. И знаете, я даже не удивился, когда барышня, с которой я должен был встретиться, сказала, что освободится только через час. Барышня младше меня лет на тридцать. Могла себе это позволить. В отместку, надо же и себя показать, я молвил, что через час буду занят. И отключился. После чего гордо глянул на собеседника.

Мой визави откровенно веселился.
Ну ничего, сейчас я тоже что-то скажу!
– А ведь, наверное, очень тоскливо знать все наперед!
– Не совсем. Многого можно исправить...
– Тогда это не совсем настоящая жизнь...
– А где вы видели совсем настоящую? В кино? В театре?
В книжке о ней прочли? И что это, наконец, такое – настоящая жизнь? Может, еще о любви поговорим? Например, до гроба? – он смеялся, но ему явно было невесело. – Да-да-да! О любви! А как же! – он почти выкрикивал.
– Давайте! – согласился я.
– Вот вы любите своих детей? У вас их двое...
– Люблю, конечно!
– А они вас?
И я вдруг понял, что мне не хочется отвечать. А ответить надо было. Надо...
– Не знаю... У них своя жизнь, свои дети...
– Ага! – кажется, он полностью успокоился. Зато мне стало не по себе. В самом деле, любят ли меня мои дети? Вдруг это стало очень важным. Вдруг?
– Не переживай! – вдруг перешел он на «ты». – Все правильно. У детей еще будет время тебя любить!
– Как это?
– Когда ты умрешь! Вот тогда... – он не договорил.
– Легче мне от этого! – обиделся непонятно на что я.
– Легче... Потому что у тебя еще есть пока время любить.
– Пока? Я скоро умру? – испугался я.
– Поживешь еще...
Помолчали.
– Хочешь стать волшебником? – вдруг спросил он.
– Нет!
– Нет... – неуверенно удивился он. – Все хотят, а ты нет?
– Конечно, нет!
– Но почему?
– А потому, что хочу отвечать только за свои поступки. И только перед собой! Я не хочу играть судьбами. Не хочу событиями...
И верить не в кого-то, а в себя!

– Стандартный набор понятий маленького человека, – заметил он. – Ничего нового. Остыньте!

– Остынет! – произнес кто-то рядом. А потом громче: – Ваш кофе остынет!

– Кофе? – удивился я. – Я же не успел его заказать!

А потом я глянул на стол. А там стояла маленькая чашечка кофе по-восточному. И стакан воды.

Ветеран

Почитай всю войну я был... раненым. Так вышло. В сорок третьем призвали. Прибыли мы под Майкоп, стали из эшелона выгружаться, а тут мессеры. Паника сразу. Кинулись кто куда. И я было кинулся. Но что-то как даст по ноге! Потом только выяснилось – осколок. Лежу, ору. Больно же. Собственно, все орут. Кто от боли, кто от страха...

Улетели мессеры. Народ из щелей выползать стал. Кто уцелел, конечно. Санитары появились. Меня на носилки и... Вроде в госпиталь. Хотя... Какой госпиталь? Палатка, а в ней доктора орудуют. Да и какие доктора? На год-другой меня старше. А мне только-только восемнадцать. Двое их было. Один полный притырок, второй вроде ничего. Сцепились из-за меня. Притырок орет, что ногу надо ампутировать, что осколок в кости, и не вытащить. А второй, что хоть и анестезии нет, спасти ногу надо. Слава Богу, по второму и вышло. Кромсать начали. А я и вырубился. От боли, наверное. Очнулся в эшелоне уже. Санитарном. И началось. Один госпиталь, другой... Операции... Потом тиф. А как же... Ну и воспаление легких перед финишем. Больше двух лет провалялся. Одна нога не гнется и короче другой сантиметров на десять. Словом, выпустили из госпиталя в начале сорок пятого. Костыль, рюкзачок тощий за спиной, документов-выписок пачка. Казахстан, минус тридцать...

Кое-как до вокзала добрался. Там двое суток прождал, а потом ребята, что на фронт ехали, в эшелон пустили. Аж до Запорожья довезли. Самые счастливые за всю войну пять дней были. Тепло, жрать дают... Лафа!

До Одессы почти месяц добирался. Хромаю себе по улицам, не узнаю город.

Добрался до двора своего. А там радость со слезами. Радость оттого, что комнату нашу соседи нетронутой сберегли. А слезы оттого, что родителей и бабушку румыны убили.

Горюю я, а все думаю: «А как дальше?».

Жилье, допустим, есть. Но это все. Еды нет, работы, чтоб на еду заработать, тоже. Да и какая работа для калеки отыщется? Сунул-ся было в военкомат, а там нарядный старлей сидит и сообщает, что таких, как я, у них полная жопа. И что свалились мы на его голову. Короче, послал куда подальше. Карточки, правда, выдал. А на что их отоваривать?

Выжил как-то. Соседи помогли. Дело нашлось. Ходил я по ночам зажиточным людям очередь за хлебом занимать. За деньги, конечно. Так и жил пока. А потом в институт пошел. Заканчивать. Там стипендия!

И работа нашлась. В артели. Им – они ж артель инвалидов! – позарез инвалиды-фронтовики надобны были. Зарабатывал неплохо. Женился вскорости. Потом и дочка родилась. Короче, пошла жизнь.

Артель, правда, через пару лет разогнали.

– Твое счастье, что инвалид-фронтовик, – следователь внушал, – иначе сидел бы, и долго. А так свидетелем пойдешь. Я ведь тоже с войны целым не пришел, – говорил и левой рукой протокол заполнял. А от правой у него только рукав в кармане пиджака.

Я и пошел... Свидетелем...

А потом в другую артель пристроился.

Так и жили. Соседка, что соседнюю комнату занимала, померла. Ну и стали мы хлопотать, чтоб нам жилплощадь отдали. Жена особливо козыряла, что фронтовик я, инвалид группы первой... Я сперва отбивался. Мол, какой фронтовик, если на фронте и не был? А она:

– Кровь проливал? Калекой остался?

Ох, не люблю я это слово – калека!

– Рана есть, аж страшно! Ходишь, как семь сорок!

Прямо не рана у меня, а пропуск какой. В лучшую жизнь, что ли?

Дали нам комнату! И закуток под кухню дополнительно.

Отделились мы от остальных соседей, зажили самостоятельно.

А тут вообще фронтовики в почет вошли. На всякие мероприятия звать стали. Я сперва не ходил, стеснялся. Там люди

с боевыми наградами, а я? Одна медаль «За победу над Германией» – и все. Так такие медали почти у всех мужиков. А потом пересилил себя и ходить стал. Пайки, опять же. А что? Я ведь тоже что-то заслужил.

А в шестьдесят пятом еще одну медаль навесили. И льгот, льгот!

И магазины для нас ветеранские пооткрывали. С дефицитом всяким. Что себе возьмешь, что родственникам да знакомым. А что и на продажу можно. Прибавка, так сказать.

Так и жили.

Только с каждым годом все меньше нас, ветеранов.

Раньше в ЖЭКе на торжественное собрание человек пятьдесят нашего брата приходило. А сейчас... Вот на днях было девять человек!

Ну и молодых несколько. Один молодой – спонсор вроде – и просит:

– А расскажите-ка, отцы, кто где воевал.

«Хана, – думаю, – позорище! У людей иконостасы да заслуги, а я?»

А как пошли рассказы – страшно мне стало. Двое – вохры с Колымы, еще один следователь НКВД... Четвертый, восьмой... Все из органов наших внутренних.

И я, фронтовик, твою мать!

Встал, сделал вид, что худо стало, вышел да домой похромал. Иду, и горько мне так...

